

Именослов / Имя

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

ИМЕНОСЛОВ / ИМЯ
Филология имени
собственного

Редколлегия:

Вяч. Вс. Иванов, А. Ф. Литвина (отв. секретарь),

Т. М. Николаева (председатель), В. Н. Топоров,

Ф. Б. Успенский

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

ИМЯ Семантическая аура

Ответственный редактор
Т. М. Николаева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 81.031
И 50

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 06-06-87024

Р е д к о л л е г и я :

Вяч. Вc. Иванов, А. Ф. Литвина (отв. секретарь),
Т. М. Николаева (председатель), В. Н. Топоров,
Ф. Б. Успенский

Имя: Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН;
Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Языки славянских культур,
2007. — 360 с. — (ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ: Филология имени собственного).
И 50

ISBN 5-9551-0163-2

В настоящем сборнике собраны статьи, открывающие новое направление в языкознании: изучение «семантической ауры» имени собственного. Это направление стало возможным благодаря развитию лингвистики текста и той теории текста, которая отличается исследователей Московской семиотической школы.

Сборник посвящается памяти замечательного ученого — Владимира Николаевича Топорова (1928—2005), ранние и малоизвестные труды которого представлены в этом издании.

Вслед за этим сборником последуют и другие того же направления, которые будут интересны филологу самого широкого профиля.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0163-2

© Авторы, 2007

© Языки славянских культур, 2007

*Памяти
Владимира Николаевича Топорова
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Николаева.</i> Предисловие	7
--	---

РАЗДЕЛ I

<i>В. Н. Топоров.</i> От имени к тексту	15
<i>В. Н. Топоров.</i> Πύθων, Άήι Βυδhnyà, Бадньāk и др.	28
<i>В. Н. Топоров.</i> Древнегреческие μάχαρ, μαχάριος и др.	43
<i>В. Н. Топоров.</i> Фракийское Σπαρταχος в индоевропейском контексте	52
<i>В. Н. Топоров.</i> Об одном архаичном переживании: Похороны Сидора Карповича	67
<i>В. Н. Топоров.</i> К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами»: мифологические истоки и историческая подкладка	90
<i>В. Н. Топоров.</i> О «пугачевском» слое в образе Зимовейкина и «наполеоновском» слое Прохарчина	113
<i>В. Н. Топоров.</i> «Скрытое» имя в русской поэзии	118
<i>Н. Н. Запольская.</i> Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры	133
<i>Т. В. Топорова.</i> Русское горы толкучие — древнеисландское Hnit- bjǫ g ‘сталкивающиеся горы’	151
<i>И. А. Седакова.</i> Новая прагматика архаических моделей: Имена неоязычников	166

РАЗДЕЛ II

<i>Т. М. Николаева.</i> Князь Звездич и баронесса Штраль — кто они такие?	191
<i>А. Б. Пеньковский.</i> Пушкинский текст и текст культуры: О Петре Петровиче Курилкине, о покойниках и мертвецах, о «гробах напрокат», о желтом цвете и о многом другом («Гробовщик»)	215
<i>Ф. Н. Двинятин.</i> Из заметок по поэтике имени (Курочкин, Достоевский, Мандельштам, Набоков)	257
<i>Н. В. Васильева.</i> Поэтика безымянности (по мотивам Милана Кундеры)	272
<i>М. А. Дмитровская.</i> Об отношении искусства к действительности, или Почему майор Петр Лавренов убил Элизу Прево (рассказ Юрия Буйды «Чужая кость»)	290
<i>Е. В. Душечкина.</i> Культурная история имени: Светлана	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что имена собственные обладают особой прагматикой и особой семантической аурой, заметили только недавно. Долгое время *nomina propria* не могли выйти за пределы науки ономастики или, говоря точнее, долгое время лингвисты не осознавали того, что ономастика уже распадается на ряд отдельных исследовательских ветвей. Ономастика традиционно рассматривалась как часть лексикологии, в свою очередь связанная с этимологией и лексикографией. То есть анализировались единицы языка, лексемы. Разумеется, подобный анализ был весьма результативен. Реализовались доказательства и новые данные не только в области филологии, но и в области истории, миграции этносов, их взаимовлияния и под. Интерес представляют и разнообразные и неожиданные словари имен собственных, многие из которых появились в самое последнее время¹.

Однако во второй половине XX века оказалось, что при переходе к тексту, в котором живут те или имена, открываются новые возможности для лингвиста. А сейчас понемногу становится ясным, что семантические выводы, полученные на уровне отдельных лексических единиц, на уровне отдельных высказываний и на уровне текста, могут не совсем совпадать и каждый уровень в чем-то является автономным.

Статьи, предлагаемые читателю в настоящем сборнике (точнее, в настоящем выпуске неперидической серии ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ), отражают именно тот подход к имени собственному (речь во всех статьях идет только об антропонимах), при котором рассматривается семантическая аура языковых единиц, возникающая в текстах. Это направление связано с Московской семиотической школой, прежде

---

¹ В зарубежной филологии после известной и много раз переиздававшейся монографии Алана Гардинера (*Gardiner A. Theory of proper names. L., 1984*) было издано много интересных словарей собственных имен самой различной ориентации. См., в частности, *Biblical proper names. Encyclopedia. Columb. Univ. Press, 2003*; *Proper names of stars: www.r-clark.org.uk/propernames1.htm*; *Galaxies with proper names. Houston Astronomical society site. April 5, 1998*; *Islamic proper names // Anthology of Islamic literature. 1996* и под. См. также недавно переизданный у нас словарь: *Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Подг. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского. М.: ЯСК, 2005*. Интерес представляют и последние зарубежные исследования экспериментально-фонетического плана, посвященные проблеме распознавания имени собственного в речи и, как следствие, возможной специфике фонетики собственных имен.

всего с именами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова. В настоящем сборнике представлены в основном работы В. Н. Топорова, много и разнообразно занимавшегося текстовой спецификой имени собственного. При этом, хотя у него на эту тему опубликованы работы достаточно подробные и развернутые (например, книга о «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина и судьбе других героинь с именем «Елизавета»), в это издание совершенно сознательно включены его гораздо более ранние исследования, по ряду причин опубликованные в совершенно теперь недоступных читателю малотиражных ротапринтных изданиях тезисного типа, в давно распроданных сборниках и журналах 70-х и 80-х годов XX века.

Вторую половину сборника составляют статьи учеников, последователей и друзей Московской семиотической школы, иногда даже оказавшихся неожиданно теоретически близкими.

Деление сборника на две части обусловлено хронологическим «перепадом» проанализированного материала. Этот же хронологический принцип соблюдался и при расположении статей В. Н. Топорова.

Какие же возможности открываются перед филологом при обращении к «имени-в-тексте»?

Постараемся их перечислить, подчеркнув при этом, что каждый раз анализ такого типа выявляет новую «дополнительную смысловую корреляцию», которая открывает искомые неочевидные семантические связи. Этим смысловых корреляций может быть сколько угодно много, и их число демонстрирует «глубину» семантической ауры имени собственного в том или ином тексте. Разумеется, определить все эти связи может человек, обладающий широчайшим диапазоном знаний, каким и был В. Н. Топоров, памяти которого эта книга посвящается.

• Прежде всего это обнаруженная В. Н. Топоровым связь имени собственного в одной системе и имени нарицательного в другой². Таких сопоставлений ранее не делали, так как ономастика замыкалась на одной языковой плоскости. Обращение к глубокой диахронии (и/или к этимологии) показывает в таких случаях возникновение неких «мифопоэтических» архетипов, архаических мифологем. Так, в настоящем сборнике (статьи: *Топоров В. Н. От имени к тексту; Он же. Πύθων, АНІ ВУДННУА, БАДНЬАК; Он же. Др.-греч. μάχαρ, μαχάριος и др.; Он же. Фрак. Σπάρτακος* в индоевропейском контексте и др.) имена сопоставляются как концепты, например, Митра (божество) и русское мѣгь. На большом материале текстово-словесных формул В. Н. Топоров демонстрирует — как результат — связь митраической

² Эту же мысль находим и в статье Т. В. Топоровой, сопоставляющей русский и древнеисландский материал.

мифологии и социальной структуры русского крестьянского мира. Славянское божество Мокошь через корень *mok- связывается с Мать-сыра-Земля.

Привлекаемая В. Н. Топоровым этимология дает возможность увидеть широко расстилающиеся в тексте этимоны, которые уже становятся семантическими текстовыми единицами. Так, статья о «питоне» (Πύθων) и *бадняке* объясняет славянский обычай сжигать в Сочельник дубовое полено, поскольку первоначальное значение «Питона» ‘змея’ расширяется до ‘змея в бездне’ > ‘змея у корней мирового дерева’ > ‘корень дерева’ > ‘враг’ (В детских играх, как пишет В. Н. Топоров, столб, пень, колода часто играют роль змеи)³.

Широко известный русский Макар (Макарка), гоняющий телят, умирающий «блаженной смертью в воде», объединяется в статье В. Н. Топорова с семантемами ‘блаженный’ (др. греч. μάκαρ, μακάριος) и славянским *mak-/mok- (*мокрый*). Итак, Макарка связан с водой и смертью, блаженной смертью через воду. Во всех этих трех статьях, написанных около тридцати лет тому назад, фигурирует и Основной миф индоевропейцев, действующими лицами которого оказываются указанные мифологические персонажи⁴.

● Непонятное и в то же время привычное в употреблении имя собственное при более внимательном его анализе оказывается «воспоминанием старины», хранимом в «скрытой языковой памяти» того или иного этноса. Причем связь эта может как вспыхивать, так и исчезать.

Таковым является фракийское имя Спартак, также рассмотренное В. Н. Топоровым. Глубокий этимологический анализ и обилие привлекаемых фактов древних языков (что в свое время делало восприятие работ основателей Московской семиотической школы несколько трудным) показывает, через балтийские и славянские данные, что в основе этого имени лежит корень *srogь- ‘сильный, обильный’ (русск. *спорышь*), что как общая идея обилия влияло на выбор имен с положительной семантикой.

---

³ Интересно, что в одном из американских фильмов, рассказывающих о поиске таинственного оружия у русских, главой русского подрывного отряда оказывается некто Дубчек. Люди Дубчека входят в дома и чинят деревянные покрытия, откуда потом начинают выглядывать страшные глаза. Самое интересное, что таинственный и страшный Дубчек оказывается просто деревом – *дубом*.

⁴ Об Основном мифе индоевропейцев, исследованном Московской семиотической школой, см. подробно в книге: «Из работ Московского семиотического круга». М.: ЯРК, 1997. Составление и вступительная статья Т. М. Николаевой.

В. Н. Топоров обращается и к русскому Сидору, известному владельцу Сидоровой козы, образующему фамилию-пример: Сидоров. Странная, как и многие старорусские сценические действия, играспектакль «Похороны Сидора Карповича», рассмотренная В. Н. Топоровым на самом разнообразном литературном и квазилитературном материале, как выясняется, ведет к древним мифологическим представлениям индоевропейцев. И в то же время идея смерти-воскресения реализует здесь русское отражение похода герцога Мальборо (Мальбрука).

Такую же древность имеет и русский Вавила-поэт, воюющий с царем-Собакой, тоже входящий в контекст Основного мифа. Он связывается и с Василием Блаженным, и с корнем *vol-/*val-/*vel-, формирующим имя зооморфного противника Громовержца.

Итак, в этих чрезвычайно интересных работах В. Н. Топоров выступает почти как палеонтолог, реконструирующий доставшиеся нам словесные «осколки»: Макарку, гонящего телят, Сидорову козу, Вавилу, которого «бревном придавило».

- Имя собственное может намекать, «кивать» (термин В. Н. Топорова) на сходные или ассоциативные имена в других текстах, или на реальных актантах. Таким образом, в ряде случаев автор текста как бы дает некий ключ понимающему читателю. Об этих ключах-намёках писал и Ю. М. Лотман. В частности, в моей статье «Пушкин, Лермонтов и купец Калашников» (в печати) я утверждаю, что «пушкинский слой» в поэме Лермонтова несомненен и антропонимическими ключами являются в ней и фамилия Калашников (см.: возлюбленная Пушкина Ольга Калашникова), и имя «Кирибеевич» — «иностранец», служащий в войсках царя. В. Н. Топоров считает таким связующим ключом в «Господине Прохарчине» Ф. М. Достоевского фамилию Зимовейкин, «кивающую» на Емельяна Пугачева, казака из станицы Зимовейской.

- Имена собственные в тексте могут давать читателю «ключи» и для отсылки к персонажам в других текстах. Эти ассоциативные ряды в свою очередь создают дополнительную смысловую строку для правильного прочтения «исходных» персонажей. Так, в моей статье в настоящем сборнике о героях лермонтовского «Маскарада», странных по имени персонажах — князе Звездиче и баронессе Штраль, отмеченных ранее А. Б. Пеньковским как «чужих», высказывается гипотеза, что за этой парой стоит другая — герои «Опасных связей» Шодерло де Лакло: виконт Вальмон и маркиза Мертей. Еще более очевидны литературные аллюзии в сложно построенном рассказе современного писателя Юрия Буйды «Чужая кость», герои которого возвращают нас к тексту Пьера Абеляра (статья М. А. Дмитровской «Об отноше-

нии искусства к действительности, или Почему майор Петр Лавренов убил Элизу Прево»).

- Наконец, в одном и том же литературном тексте имена персонажей могут перекликаться и создавать дополнительную смысловую ауру героев. Это прекрасно показывает А. Б. Пеньковский на примере имен персонажей в повести Пушкина «Гробовщик». Более того, он не ограничивается представленными Готлибом Шульцем и Адрианом Прохоровым, но, вслед за идеями В. Н. Топорова, разъясняет читателю, почему бригадира мертвецов зовут Петр Петрович Курилкин.

- Имя собственное может «кивать» и на неназываемых в данном тексте персонажей. Так, неожиданной для широкого читателя трактовкой введения имен собственных в дидактические тексты может оказаться статья Н. Н. Запольской, прослеживающей эволюцию истории, религиозной мысли и дидактических установок на материале грамматических трактатов прошлого и просто грамматик. Именно из этой статьи мы узнаем историю имени-примера *Петя*, привычно приводимого в самых современных русских лингвистических работах.

- Имя собственное может указывать на изменяющуюся социальную обстановку, на иные требования времени к человеческой номинации. Так, в последние годы все более очевидным становится наступление на российскую действительность «вторичного паганизма», неоязычества. Имена неоязычников, как будто возвращающих нас к архаическим славянским моделям, собраны и проанализированы в статье И. А. Седаковой.

- С самых древних времен существовал способ анаграммирования, скрывания заветного имени в виде разбросанных в тексте *tetra disiecta*. Восстановление этого имени помогает понять и под-текст, и за-текст, и скрытый мир поэта. «Скрытое» имя в русской поэзии» В. Н. Топорова — статья, где на большом материале продемонстрирован этот метод у Фета, Вячеслава Иванова, Андрея Белого и других русских поэтов.

Анаграммирование свойственно не только текстам поэтическим возвышенно-романтического плана, запятанное имя обращено не только к богам или к потаенной любимой. Оно может выполнять и функции сатирические, нечто вроде «двадцать пятого кадра». Такому способу употребления анаграммирования как метода посвящен ряд «заметок» Ф. Н. Двинятина, также публикуемых в настоящем сборнике.

- Наконец, само отсутствие имени там, где его можно предположить, «безымянность» (см. «Неизвестная», «Незнакомка» и под.), часто входящее в оппозицию с именем названным, стало — особенно в последние десятилетия — изысканным приемом писателей постмо-

дернистского (и не только!) периода, также дающим новые возможности интерпретации смысловых связей текста.

В начале Предисловия говорилось об особой прагматике *nomina propria*. Оказалось, что особой прагматикой обладает и *безымянность*. Сложная игра рядов оппозиций названного имени — отсутствия имени — неназванности имени — исчезновения имени — замены имени и т. д. представлена в статье Н. В. Васильевой, анализировавшей романы Милана Кундеры.

• Прагматика имени собственного на протяжении длительного времени может сильно меняться. Это показывает статья Е. В. Душечкиной «Культурная история имени: Светлана». Имя это от периода возвышенно-романтического (баллада В. А. Жуковского «Светлана») перешло к периоду демонстрации через это имя социальной преданности, ибо так была названа дочь И. Сталина — Светлана Аллилуева. В наши дни это имя «пошло на понижение», оно присваивается в детективах, полублатных песнях и подобной паралитературе доброй, но не слишком целомудренной и простоватой девушке — Светке.

Ветвление традиционной «ономастики» продолжается буквально на глазах. Так, принципиально новыми являются исследования А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского о принципах имянаречения в династических традициях у скандинавских конунгов и древнерусских князей, когда оказываются неслучайными упоминания в летописных текстах имени христианского и языческого персонажа; неслучайны и наречения родственников по той или иной линии⁵.

Исчерпаны ли все линии анализа семантической ауры имени в тексте? Конечно, нет.

Надеюсь, что в следующих наших выпусках появятся и новые направления исследований, и новые конкретные изыскания.

Т. Николаева

---

⁵ Их фундаментальное исследование открывает нашу серию «Именослов. Имя» (Филология имени собственного). См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006 и другие их работы.

РАЗДЕЛ I

ОТ ИМЕНИ К ТЕКСТУ¹

Наиболее полный и ранний (и, следовательно, самый авторитетный) список киевских богов, помещенный в «Повести временных лет» под 980 г., выглядит следующим образом: *и нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ. и постави кумиры на холму. внѣ двора теремнаго. Перуна <...> и Хърса Дажьбѣа. и Стрибѣа, и Симарьгла. и Мокошь [и] жраху имъ наричюще ꙗ б[ог]ы...* (Лавр. лет., 79). Шесть имен богов, составляющих список, соединены четырьмя (вместо ожидаемых пяти) союзами *и* и соответствующим графическим средством — точкой перед *и* (*.и*). Нарушение автоматизма наблюдается лишь в одном месте текста — *Хърса Дажьбѣа*: между этими именами нет ни союза *и*, ни точки. Учитывая это исключительное в списке обстоятельство и то, что Хорс и Дажьбог обладали одной и той же функцией (солнечное божество)², уместно предположить своего рода эквивалентность носителей этих имен и, следовательно, удвоение

¹ Топоров В. Н. От имени к тексту // Исследования по структуре текста. М., 1987.

² Солнечная природа иранского Хорса очевидна, ср. авест. *hvarə xšaētəm*, перс. *xuršēt* и т. п.; она подтверждается и русскими свидетельствами. Связь Дажьбога с солнцем видна из известной вставки, включенной в перевод из «Хроники» Иоанна Малалы (ср. Ипатьевскую летопись под 1144 г.): *По умрътвиши же Феостовѣ. егож и Сварога наричить [так!] и царствова сынъ его именемъ Солнце, егожь наричють Дажьбогъ. Солнце же царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ...* Надежно подтверждаемая другими источниками связь Сварога с огнем (ср. *сварожичь* как обозначение огня) объясняет родственные узы земного огня и небесного огня — Солнца. Впрочем, солнечные функции Дажьбога засвидетельствованы и в источниках другого ряда. В украинской песне о Князе (женихе) и Дажбоге, записанной дважды (в местечке Стрижавци на Винничине и в Тернопольской обл., в 1970 г!), присутствует мотив постоянного (год от году) восхождения Дажбога спозаранку: Князь-жених просит Дажбога уступить ему это право в день его свадьбы (см.: *Весільні пісні / Упорядк. М. М. Шубравська. К., 1982. II. С. 218 — 219*). В другой песне (записана в с. Пидцирье Волинск. обл., в 1965 г.) Дажбог высылает соловья с ключами замыкать зиму и отмыкать весну (см.: *Ошуркевич О. Ф. Пісні з Волині. К., 1970. С. 31 — 32*). — О Дажьбоге и Хорсе в «Слове о полку Игореве» см.: *Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI — XVII вв. М., 1978. С. 7 — 58; ср. также: История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. С. 427 — 429.*

функциональной позиции в списке или по меньшей мере формальных ее воплощений, дифференцированных по этнокультурному признаку (иранский Хорс, славянский Дажьбог).

Учитывая то обстоятельство, что Хорс и Симаргл божества бесспорно иранского происхождения (причем речь идет не о более или менее случайных, но, напротив, об исключительно важных и характерных фигурах иранской религиозно-мифологической системы), а Мокошь, замыкающая список, по признаку *влажности* соотнесена с образом *Мать-сыра-Земля* и, следовательно, через него связана с иранским женским божеством (*Ana-hitā*) *Arədvī Sūrā*, чье имя актуализирует тот же мотив (во всяком случае по происхождению), — внимание должно быть обращено на два имени, безусловно славянских, — Дажьбог и Стрибог, — которые оказались между иранскими именами Хорса и Симаргла. Сама связь Дажьбога с Хорсом в списке богов может навести на мысль, что некоторые особенности, свойственные Хорсу (или его иранскому источнику), могли бы быть действительны и для изофункционального ему Дажьбога³. Один из таких примеров, видимо, относится к отмеченному уже в Авесте мотиву *пути* (*paṣā-*, *paṣ-*, ср. *pantau-*, др.-инд. *pánthāh*, *patháh*, слав. *р[л]ть и т. п.) солнца, который появляется и в восточнославянской традиции; ср., с одной стороны, известное место о князе Всеславе из «Слова о полку Игореве» — *самъ в ночь влъкомъ рыскаше: изъ Киева дорискаше до кур Тматороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше*⁴, а с другой стороны, уже упоминавшийся мотив пути Дажьбога из украинской песни (встречи на распутье, просьба к Дажьбогу уступить путь-дорогу, годовой путь Дажьбога)⁵.

Тесная связь Дажьбога с Хорсом в списке и наличие общих мотивов, объединяющих эти божества в текстах, в частности, разноязыч-

³ Впрочем, и поиски некоторых отражений имени и образа Хорса в восточнославянских языках и культурных традициях могут оказаться бесполезными. Во всяком случае следует помнить о попытке связать с именем Хорса слово *хорóший* (в качестве параллели ср. *мир*, в основе которого лежит имя Митры, тоже солнечного божества, и *мировóй* ‘хороший’, ‘прекрасный’, ‘замечательный’).

⁴ Обозначение солнца в виде *великий Хръсь* дает некоторые основания для предположения, что эта «тителатура» в перевернутом виде отражает клишированное иранское обозначение солнца *hvarə xšaētəm*, собств. — солнце сияющее, властвующее, царящее (ср. *xša-*, *xšaya-*), ср. связь между **vel-* (*великий*) и **vel-/*vol-(d-* ‘владеть’, ‘властвовать’, ‘иметь власть’).

⁵ Историческому и культурному аспекту проблемы Хорса посвящена особая работа.